

Книга о Кукирниках

Выпущенная издательством «Советский художник» книга «Кукирники» (автор текста Н. Соколова) не претендует быть исключительной и искривляющей монографией о творчестве широкого известного коллектива трех художников.

Написанная коротким литературным языком, книга показывает главные этапы творческого пути Кукирников, который Н. Соколова сравнивает с полноводной рекой, образованной из синий и зеленых ручьев и родников и мощным потоком представляющей себе русло к приступам крепости.

Начал свой путь в журнале «Комсомолка» в 1925 году Кукирники (М. Курдюков, П. Борзов, Н. Соколов) рисуют необычайные шаржи, «шаржарии», «карикатуры и прочие виды сатирической графики», защищая против отрицательных и недорогих пижаков в литературе, в искусстве того периода.

Постепенно накапливается опыт, совершенствуется мастерство. Отличия свое оружие, так сказать, «шаберную склонность». Кукирники выходят на стадион дороги советского сатирического искусства. Время и развивается их талант, корчется глаза, твердеют руки, крупнее и серьеются лица. Художников уже не удовлетворяет литературная тематика, и влечет к более значительным творческим задачам, перед ними раскрываются широкие горизонты, звучащие в создании сатирических произведений большого звучания.

Высоко оцененные достижения коллектива в области графики и живописи, показывают то новое и своеобразное, что внесено в эти жанры мастерством Кукирников. Н. Соколов подчеркивает, что «наибольшую, ведущую роль в их творчестве продолжает играть политическая сатира — карикатура».

И в самом деле, как бы ни были велики в целом дела Кукирников в иллюстрации пейзаж, портрет, картина, — коллективные ими трех художников ассоциируются в народном сознании прежде всего с их политической сатирой, в которой они достичь выдающихся успехов. Поэтому насыщена не показать, что именно эта наименее работа Кукирников характеризована в книге недостаточно полно.

Обстоятельно и глубоко анализа живописные и графические произведения Кукирников, высказывая интересные и верные замечания об их картинах и книжных иллюстрациях. Н. Соколова, говоря о карикатурах, передко ограничивается беспомощными, но слишком общими похождениями.

Так, в книге можно прочесть, что «Кукирники обогащают свое искусство политической карикатуры применением разнообразных художественных средств...», что «...их лучшие карикатуры — художественные убедительны, исполнены глубокого

комизма, досуг на себе яркую личность индивидуальности художников». Но ведь эти слова с разными основами могут быть отнесены к А. Беневскому, Е. Рогову или И. Семенову... А читатель хочет разобраться в том, какие именно художественные средства применяют Кукирники, в чем состоят своеобразие их индивидуальной манеры, что отличает их от других художников-сатириков, какую роль в их творчестве играет гротеск, гипербола, художественное преувеличение.

С несомненным интересом читаются эти страницы, где автор касается внутренней жизни коллектива, его творческой лаборатории. Ведь кроме коллектива художника Кукирников, существует еще три самостоятельных мастера — Кукирников, Курдюков и Соколов — прекрасные и тонкие живописцы, талантливые к лирическому, углубленному видению природы. Каждый из них создает особенные поэтические находки — портреты, патиорты, пейзажи. При этом индивидуальный рост, развитие и плавление мастерства каждого из художников усматривают и совершенствуют работу всего коллектива.

Бор. ЕФИМОВ.

ТЕАТР НА «КРЫШЕ МИРА»

Раздвигавшийся тяжелый занавес, и первые зрители покидали вешилье, шумные люди в костюмах Франции XVII века. На сцене стремительно развивались эпохи — из других захватывающих по остроте и юмору событий. Остроумие, лирический, интересные рожки-саркофаги и актерские находки вызывали дружные аплодисменты зрителей.

Сидевший в первых рядах пожилой мужчина вся время насматривался следя за действием и в конце из паузы спросил, поклонясь к соседу:

— Думал ли ты когда-нибудь, что будешь у себя, на Памире, смотреть Мольера?

И я дождался ответа, убежденного сказал:

— Нет, не мог я этого думать...

Шел спектакль «Проделки Сапсанца» в постановке Горно-Бадахшанского областного таджикского музыкально-драматического театра в Хороге — главном городе Советского Памира. Югор Мольера, его умение довести высокую пошлость и ограниченность буржуза, его демократизм, любовь к зданию из народа прекрасно подходили до зрителей-памирцев.

Сидевший в первых рядах пожилой мужчина вся время насматривался следя за действием и в конце из паузы спросил, поклонясь к соседу:

— Думал ли ты когда-нибудь, что будешь у себя, на Памире, смотреть Мольера?

И я дождался ответа, убежденного сказал:

— Нет, не мог я этого думать...

Шел спектакль «Проделки Сапсанца» в постановке Горно-Бадахшанского областного таджикского музыкально-драматического театра в Хороге — главном городе Советского Памира. Югор Мольера, его умение довести высокую пошлость и ограниченность буржуза, его демократизм, любовь к зданию из народа прекрасно подходили до зрителей-памирцев.

Новая постановка пользуется большой популярностью у наследников Хорога и скромных кишлаков, откуда съезжается немало зрителей. Это уже третья в нынешнем году премьера театра. Поставленные разные пьесы «Ниссес» (по однотипному роману П. Лукинского), посвященному истории Памира) и «Сердечные тайны» узбекского драматурга Г. Рахманова также идут с невидимым успехом.

Театр Советского Памира сравнительно молод — ему лет и двадцать, но у него уже солидный театральный опыт. В его постановках памирцы видят «Бессправников» и «Без вины виноватые» А. Н. Островского, «Дендибуты» Н. В. Гоголя, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера и другие произведения русской и мировой классики, пьесы советских драматургов, в том числе многие переведенные с языков регионов Средней Азии. Не сходят со сцены пьесы известного памирского писателя Б. Рокоти, М. Коркеня, В. Шестакова Т. Воробьева-Менархольда.

Комиссия по литературному наследию В. Э. Мейвэрхольда

Института истории искусств Академии наук СССР и Всероссийского театрального общества создали комиссию по литературному наследию В. Э. Мейвэрхольда. В состав комиссии П. Марков (председатель), Н. Чушакин (зам. председателя), Н. Олковская, И. Ильинский, И. Зереббург, Ю. Калаников, В. Ростовский, Н. Волков, Л. Рокоти, М. Коркеня, В. Шестаков, Т. Воробьева-Менархольда.

Из комиссии по литературному наследию В. Э. Мейвэрхольда

Из комисс

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ПОЛЬСКОГО НАРОДА

Болгиии
нацио-
нальным
праздни-
ком стал в Польше
день 22 июля —

День Возрождения Польши. Двенадцать лет назад советский народ и его доблестная армия помогли братскому польскому народу изгнать со своей земли гитлеровских захватчиков. Манифестом Польского комитета национального освобождения 22 июля было провозглашено имя создателя демократического и независимого Польского государства.

Брови узел нерушимой дружбы соединяют советский народ с польским друзьями. О том, что думают и чувствуют советские люди в этот знаменательный день, сказал Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, возглавлявший Президентскую делегацию Советского Союза, прибывшую в Варшаву для участия в праздновании 12-й годовщины возрождения Польши:

— Мы знаем, — заявил Н. А. Булганин в своей приветственной речи на заседании в Осенце, — что польский народ, как и народы Советского Союза и других социалистических стран, уверенно смотрят в свое будущее в предстоящих трудностях, с которой решимость идет вперед по избранным им путям социализма.

Советские люди от всей души желают талантливому и трудолюбивому польскому народу успехов в борьбе за строительство новой жизни.

Большая дружба и братство сотрудничества польского народа с народами Советского Союза будут вечными и нерушимыми.

Многое, очень многое сделано за прошедшие двадцать лет для укрепления этой вечной и верующей дружбы. Все лучше и ближе уходит круг друга народы Советского Союза и Польши.

Значительную роль в этой области играет кинокоммунист. Регулярный обмен фильмами, установленный между СССР и Польшей, — источник живой и образной информации о жизни и труде советского и польского народа.

19 июля в Московском доме кино состоялся вечер польского киноискусства. Собравшиеся смотрели новые фильмы: художественный — «Дела пилота Мареша» и документальный — «Весенний угроз». Широко отметили славную дату кинотеатры столицы. На экранах демонстрировались художественные польские фильмы «Голубой крест» уже знакомые народам артисты — «Превод», «Мое сокровище», «Часы настенные», «Случай на Маринетта».

Произведения польского кинокоммунистества демонстрировались также в Ленинграде, Киеве, Минске, Вильнюсе, Таллине. Рите в других крупных городах Советского Союза.

С большим интересом тысячи московских смотрят новый польский

Мицкевич называл ее «царицей звуков»...

24 июля исполняется 125 лет со дня смерти выдающейся польской пianistki и композитора Марии Шимановской. В памятных годах прошлого века Шимановская с громадным успехом концертировала в Польше, России, Франции, Италии, Англии и других странах. Мицкевич называл ее «царицей звуков». Гете поставил ей стихотворение. Она была дружиной также с Пушкиным, Глинкой и многими другими деятелями русской культуры, которые встречались у нее в доме с польскими друзьями. И. Бахрома.

АНГЛИЙСКИЙ КОМПОЗИТОР — СОВЕТСКОМУ ПИАНИСТИ

Несколько месяцев назад один из величайших музыкантов Англии, сэр Артур Блесс, по просьбе Союза советских композиторов любезно приспал письмо своего фортепианного комитета си бемоль мажор и фортепианной сочинности либо минор. Концерт си бемоль мажор с большим успехом был исполнен в мае текущего года в Москве пианисткой Татьяной Николаевой в сопровождении Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио. Фортепианной сочинности А. Блесса живо заинтересовался писатель Игорь Алтекарев.

Игорь Алтекарев давно известен нашим слушателям как один из лучших исполнителей советской музыки. В его репертуаре десятки произведений С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского, Д. Кабалевского, А. Хачатуряна, Е. Голубева и многих других композиторов.

Вместе с тем Игорь Алтекарев живо интересуется современной американской и западноевропейской музыкой. Недавно были записаны на долгоиграющие пластинки в его исполнении произведения немецкой, английской, американской, французской и греческой музыки, в том числе «Морские письма» Майка Длуэла, ряд пьес Сирия Смита, три прелюдии Дж. Гершвина, шесть экспромтов Яна Сибелиуса, девять пьес Золтана Коуди, пятидесять венгерских песен и танцев Бела Бартока и много других сочинений.

Нашему корреспонденту Игорь Алтекарев рассказал следующее:

— Германо-романтическая характерная фортепианская сочность либо минор привлекает своим глубоким содержанием, светлым, радостным мироощущением, яростью музыкального материала. Сочность отличается превосходной фортепианной фактурой — блестящей, выразительной, одновременно простой. Большое творческое удовлетворение доставляет мне работа над сочинениями и многогранные публичные исполнения ее.

В конце мая я записал сочинение на долгоиграющую пластинку и, воспользовавшись предыдущим в это время посещением польской народной артистки в Советском Союзе англичанских писа-

Славная дата

фильм «Голубой крест». Это и поэтическое. Выход его на экраны знаменательно годовщину Дня Возрождения Польши не случаен. События, которые в нем воспроизведены, — это первые страницы истории Польской Народной Республики.

1945 год. Победоносные части Советской Армии дошли до польских Татр и освободили Закопане. В один из февральских дней сюда, в расположение советской воинской части, обратился партизан-словац Йрай. Мужественный врач принял ее за помощь. Далеко среди горных вершин, в тылу у немцев, пряталась партизанская больница. Нет медикентов, конспиративные продукты. Раненые партизаны — русские, чехи, поляки — каждую минуту могут быть обнаружены раскаченными в горах фашистами. Нужна немедленная помощь.

О том, чтобы это могли сделать регулярные воинские части, не может быть и речи. Проникнуть так глубоко в тыл могут только знающие горные тропинки и перевалы альпинисты. Для, бума, на которой записана эта история, нет диалога. Отдельные слова действующих лиц только дополняют изобразительную часть фильма. На протяжении всего фильма происходит комментирование звуком фильма, что все время кажется, говорит один из участников спасательной экспедиции.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

В драме Кракове по случаю праздника состоялось шествие ходячих. По улицам города прошли ходячие рабочие прошлых лет, пролетари, металлурги и строители, гроза горстки храбрецов смертей.

«Голубой крест» почти нет диалога. Отдельные слова действующих лиц только дополняют изобразительную часть фильма. На протяжении всего фильма происходит комментирование звуком фильма, что все время кажется, говорит один из участников спасательной экспедиции.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

В драме Кракове по случаю праздника состоялось шествие ходячих. По улицам города прошли ходячие рабочие прошлых лет, пролетари, металлурги и строители, гроза горстки храбрецов смертей.

«Голубой крест» почти нет диалога. Отдельные слова действующих лиц только дополняют изобразительную часть фильма. На протяжении всего фильма происходит комментирование звуком фильма, что все время кажется, говорит один из участников спасательной экспедиции.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.

Быстро меняются планы с изображением величественных, покрытых снегом гор, по одному из склонов которых скользят отважные спасатели со своим драгоценным грузом. Опасность остается позади.

Перед нами мелькают лица участников этой замечательной экспедиции. Раздается голос диктора: «Вот и конец нашей правдивой повести. Большинство этих людей не посыпалось мундирами, никто не упомянут в их приказах, зачитываемых перед строем. Только записаны их имена и самая эта история в летописи «Голубого креста» простирает пером на бумаге, которая уже начала желтеть.

Да, бумага, на которой записана эта история, может пожелтеть, но славный подвиг патриотов, с такой любовью запечатленный польскими кинематографистами, будет жить веч-

но.

А. ЭРШТРЕМ.